

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (58)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (58)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

- Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

- Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Щеглова Т.К. *, Рыков А.В.

Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031
E-mail: tk_altai@mail.ru (Щеглова Т.К.); avrykov@bk.ru (Рыков А.В.)

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ СОТРУДНИКАМИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1950–1970-е гг.

Статья посвящена характеристике экспедиций сотрудников Научно-исследовательского института художественной промышленности на территории Алтайского края в 1950–1970-е гг. по изучению традиций декоративно-прикладного творчества русских старожилов. Авторы на основе архивных документов и опубликованных материалов реконструируют маршруты, цели и результаты работы экспедиций, а также выявляют их первичные полевые материалы. Благодаря тщательной и грамотной фиксации данных материалов они имеют огромный этнографический потенциал для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Научно-исследовательский институт художественной промышленности, полевые экспедиции, русское население, старожилы, юг Западной Сибири, 1950–1970-е гг.

Введение

Развитие этнографии в XX в. шло сложными путями. Попытки найти место в системе наук проявились в переводе ее из группы географических в исторические с постепенным закреплением на исторических факультетах. Одним из факторов ее развития являлась близость предмета исследования и использование методов полевой работы с другими научными сферами — фольклористикой, искусствоведением, архитектурой, географией и др. Их вклад в формирование источниковой базы этнографии, так же как история полевых исследований народной культуры Сибири, до сих пор еще не изучен. Для Сибири, на территории которой становление собственных профессиональных кадров по этнографии началось довольно поздно, большое значение в 1950–1990-е гг. имела деятельность двух столичных институтов — Института этнографии АН СССР и Научно-исследовательского института художественной промышленности (далее — НИИХП или Институт). Формами их полевой работы являлись масштабные по времени (от 1,5 до 2 месяцев) и по составу экспедиции, в которые входили наряду с этнографами или искусствоведами — художники, фотографы, специалисты по ремеслам и декоративно-прикладному искусству, фольклористы.

В данной статье предпринимаются попытки на основе анализа фондов полевых материалов выявить вклад сотрудников НИИХП в развитие источниковой базы по этнографии русских на территории Алтайского края, который в рассматриваемое время (до 1990 гг.) включал территории современных Алтайского края и Республики Алтай (Горно-Алтайской автономной области), что позволило вынести в заголовок статьи юг Западной Сибири. Деятельности этого Института малоизвестна сибирским этнографам, так же как вклад деятельности его сотрудников в формирование источниковой базы по культуре народов Сибири. Институт был организован в 1932 г. на базе бывшего Кустарного музея (созданного в 1882 г.) как центр научно-исследовательской работы и творчески-экспериментальное учреждение в области художественных промыслов [Серебряков, 1947, с. 204]. К 1950-м гг. стал солидным научным центром с ученым советом и восьмью экспериментальными лабораториями. При нем был создан Музей народного искусства с научно-художественной библиотекой, магазин-выставка «Художественные промыслы», экспериментально-производственная мастерская. Научную работу курировала созданная при дирекции института научная группа, «имеющая задачей обсуждение научно-исследовательских тем, прорабатываемых сотрудниками Института» [Там же]. Прикладное значение состояло в поддержке и возрождении художественных промыслов для развития промышленности широкого потребления, обеспечивающего бытовую устроенность советского общества с опорой на народные традиции. Поэтому работа состояла, с одной стороны, в изучении и фиксации традици-

* Corresponding author.

онных для того или иного региона видов народного декоративного искусства, а с другой — в выявлении народных мастеров, владеющих традиционными ремеслами, и анализе деятельности предприятий художественных промыслов, располагавшихся в регионах [Ведерникова, 2017, с. 69–70]. После 50 лет активной работы постановлением Правительства 1 декабря 1992 г. ликвидировалось Министерство местной промышленности, и вместе с ним были упразднены подчинявшиеся ему учреждения, в том числе НИИХП, а его материалы передавались Всероссийскому музею декоративно-прикладного и народного искусства [Хохлова].

Архивные фонды института, которые готовились к передаче на хранение в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), оказались раздробленными. Меньшую часть из них все-таки передали в ГАРФ, и они составили отдельный самостоятельный фонд (Ф. А 643). Большая часть материалов осталась во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства. Часть материалов была безвозвратно потеряна. Материалы, отложившиеся во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства (далее — ВМДПНИ), представлены разными видами документов, которые создавались участниками полевых исследований, преимущественно искусствоведами, что вылилось в целый ряд фундаментальных исследований по народному искусству, для которых характерен искусствоведческий анализ и которые не подвергались «этнографическому взгляду». Для заявленной в статье проблемы наибольший интерес представляют отчеты по научным темам и командировкам; используется и огромный массив визуальных источников, высокое качество которых достигалось участием в их фиксации профессиональных штатных художников и фотографов.

Цель публикации — показать вклад сотрудников Научно-исследовательского института художественной промышленности в изучение культуры русских старожилов юга Западной Сибири через выявление всех состоявшихся экспедиций, их маршрутов, состава участников и результатов полевых исследований. Изучение экспедиционных материалов по декоративно-прикладному творчеству тюркских народов требует самостоятельного рассмотрения. Проведенное авторами исследование может быть полезно ученым других регионов, так как экспедиции НИИХП проводились повсеместно не только в Сибири, но и на Урале, Дальнем Востоке, в европейских регионах РСФСР и в других союзных республиках.

Таким образом, актуальность работы обусловлена малой изученностью экспедиционной деятельности НИИХП и состояния фондов полевой работы. При этом этнографами Алтайского края активно используются работы о домовой росписи Н.И. Каплан [1961], а вот о самой Н.И. Каплан, других участниках полевой работы на юге Западной Сибири, об экспедициях и их фондах полевых материалов (не только по домовой резьбе) ничего неизвестно. Более того, в немногочисленных имеющихся публикациях встречается недостоверная информация. Даже сама Н.И. Каплан в своей диссертации и в монографии ошибочно указывает, что первая экспедиция, организованная НИИХП, состоялась в 1952 г. [1963а, с. 31; 1961, с. 6], хотя отчеты по командировке, датировка зарисовок фондов экспедиции позволяют утверждать, что она проведена в 1951 г. Такая неточность неудивительна при том масштабе полевых экспедиций, в которых участвовала исследователь. Есть белые пятна в маршрутах и географии работ последующих экспедиций, данных об их составе. Например, в составе экспедиции 1955 г., кроме указанных участников Н.И. Каплан и Ф.М. Мольнар, вероятно, был еще один человек. Это следует из того, что на выявленных фотографиях членов данной экспедиции (которые ошибочно датированы 1956 г., но на деле это именно 1955-й, так как на фото запечатлен Ф.М. Мольнар, являвшийся участником экспедиции только в 1955 г.) изображена женщина — подписано «Грибанова (Киев)» [ВМДПНИ. КП-24300/381], а на другой фотографии с ней подписано «Грибанова М.». Единственным источником, конкретизирующим информацию, является монография Н.И. Каплан с опубликованной зарисовкой росписи опечка в с. Солоновка Смоленского района, выполненной М. Грибановой [Каплан, 1961, рис. 5].

Усиливает актуальность сам предмет экспедиционных исследований сотрудников НИИХП, связанный с объектами материальной культуры — орнаментом, вышивкой, ткачеством, домовой росписью и др., которые ушли из повседневности и сохранились только в зарисовках и фотографиях. Эти фонды мало использовались этнографами. А введенные в научный оборот в работах, посвященных художественным аспектам народной культуры, подвергались анализу с искусствоведческих позиций.

В данной публикации используются материалы пяти экспедиций НИИХП в Алтайский край. Прежде всего это полевые материалы данных экспедиций, представленные зарисовками и фотографиями. Черновые зарисовки (сохранились только за авторством Э.М. Демюр и Н.И. Каплан за 1951 и 1954 гг.) делались художниками в полевых условиях. На их основе было создано

около 700 чистовых, которые были опубликованы в 11 альбомах, хранящихся в фондах библиотеки ВМДПНИ. В ходе экспедиций было сделано около 150 фотографий, хранящихся в «Фотоотеке НИИХП». Привлечены материалы, подготавливаемые по итогам экспедиций: тексты отчетов об экспедициях, отчеты о командировках, планы и отчеты по подразделениям Института, неопубликованные доклады на Ученом совете, рукописи статей и монографий, хранящиеся как в архиве, так и библиотеке ВМДПНИ. Всего привлечены материалы из 11 архивных дел. Источником выступают и материалы диссертации Н.И. Каплан, а также приложения к ней, содержащие часть собранных источников.

Результаты

Выбор территории Алтайского края сотрудниками НИИХП являлся стечением обстоятельств. По плану Института на 1951 г. планировалось проведение исследований по теме «Орнамент ковров средней полосы РСФСР» — в Тамбовской, Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской областях. Но в мае 1951 г. по указанию дирекции Института эта тема была дополнена заданием «Сбор материала по орнаменту Алтайского края». По-видимому, это решение было обусловлено расширением поисков новых центров художественных промыслов СССР, и поездка на Алтай с заездом на Урал носила своего рода «разведывательный» характер. С 1932 г. прошло почти 20 лет; основная работа велась на территории европейской части России, Урала, Сибири, Кавказа, а также некоторых союзных республик. Внимание к Алтайскому краю, по-видимому, возникло в связи с Горно-Алтайской автономной областью с тюркским населением и возможностью расширения художественных промыслов за счет тюркских традиций. Русское население и степная часть Алтайского края стали самостоятельным объектом исследования Института в последующих экспедициях. Кроме Алтая экспедиционная группа должна была заехать на Урал. Непосредственно на территории Алтайского края экспедиция работала с 5 июля до 2 августа 1951 г., т.е. почти два месяца. Затем исследователи выехали в Челябинскую область, где пробыли до 20 августа. В Москву они вернулись 23 августа, в результате чего все время командировки составило 50 дней, вместо запланированных 45 [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 1, д. 423, л. 19, 87].

Экспедиция состояла из двух человек — старшего научного сотрудника ковровой лаборатории Н.И. Каплан и старшего художника Э.М. Демюр. Командировка сотрудников именно коврового отдела преследовала цель изучения традиций тюркского населения Алтайского края, так как, по мнению исследователей, «традиции собственно алтайского народного декоративного искусства сохранились главным образом в Горноалтайской автономной области, где концентрируется коренное население края — алтайский народ». Разведывательный характер подтверждают и строчки из отчета Н.И. Каплан: «В задачи экспедиции НИИХП входило ознакомление с современным состоянием народного декоративного искусства Алтайского края. На основании этого ознакомления следовало установить, какие народные художественные промыслы Алтая могут быть восстановлены или организованы вновь» [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 3, д. 18, л. 1]. Прикладное значение поездки состояло в проверке работы ковровых предприятий, а также проведении семинара для повышения квалификации местных работников. В дальнейшем во всех командировках сотрудников НИИХП исследовательские и прикладные задачи сочетались, и работа по ним велась параллельно. Но в данной публикации рассматривается только научно-исследовательская работа сотрудников НИИХП.

Точный маршрут первой экспедиции можно восстановить по местам выполнения зарисовок предметов с довольно большой точностью — города Барнаул, Бийск, Горно-Алтайск, а также с. Кош-Агач. Первые два города были обусловлены транспортной логистикой — Барнаул был крайней точкой маршрутов из Москвы как по воздуху, так и железнодорожным транспортом. Поэтому до Горно-Алтайской области добирались от Барнаула через Бийск и далее в Горно-Алтайск. Дальнейшее продвижение по Горно-Алтайской автономной области также было связано с доступностью населенных пунктов. Исследователи понимали, что «декоративное искусство Горноалтайской автономной области не могло быть с первого раза охвачено полностью. Маршрут экспедиции проходил по основным культурным центрам области, расположенным вдоль главной транспортной магистрали — Чуйского тракта. С искусством отдаленных и высокогорных районов сотрудники НИИХП смогли ознакомиться только косвенно: по музейным и литературным материалам и по рассказам местных жителей» [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 3, д. 18, л. 1–2]. Часть населенных пунктов вдоль Чуйского тракта Н.И. Каплан перечисляет в диссертации и монографии: Майма, Шебалино, Туекта, Онгудай, Шишикман, Улету [1961, с. 6]. В последующем состояние дорог или их отсутствие являлись важными факторами экспедиционной деятельно-

сти. В частности, в экспедиции 1955 г. из 52 дней командировки был только 31 полезный рабочий день, а переезды и переходы заняли 21 день «ввиду дальности расстояний и сложности маршрута» [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 1, д. 535, л. 28], который, например, в экспедиции 1956 г. доходил до 1200 км при отсутствии авиасообщений и железнодорожного транспорта.

Особенностью всех экспедиций являлось широкое использование коллекций, отложившихся в региональных музеях. Так, основная часть привезенных в Москву 92 зарисовок [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 1, д. 425, л. 30] фиксировалась с оригиналов в Бийском и Горно-Алтайском краеведческом музеях. Другая часть выполнялась непосредственно у мастеров г. Горно-Алтайска, с. Кош-Агач, а также колхоза (ныне села) Мухор-Тархота Кош-Агачского района. В качестве источника использовали и альбом Чорос-Гуркина [Народный орнамент..., вып. 1, 1951]. Особенностью являлось и то, что, несмотря на командировку от коврового отдела, его сотрудники вели широкую работу по фиксации других памятников декоративно-прикладного творчества населения, и не только тюркского — алтайцев и казахов, но и другого. Прежде всего преобладающего по численности в Горно-Алтайской автономной области русского населения с высокой долей старообрядчества. Поэтому среди привезенных зарисовок предметов домашнего быта алтайцев (от войлочных и вышитых ковров до традиционной женской одежды) имеются прорисовки каймы тканых вышитых кержацких полотенец [ВМДПНИ КП-31568/9, КП-31569/5, КП-31569/8, КП-31569/9, КП-31569/20]. Интерес, проявленный к русским кержакам, имел последствием включение культуры русских в исследовательские программы экспедиций. На обращение к культуре русских повлияли и работы Е.Э. Бломквист и Н.П. Гриньковой, к которым они, как показывают архивные документы, обращались при подготовке к командировке.

Большинство черновых зарисовок экспедиции 1951 г. было издано в двух выпусках альбома «Народный орнамент Алтайского края» [вып. 1, 1951; вып. 2, 1952]. В первом выпуске альбома данные зарисовки были опубликованы в 20 таблицах, а во втором — в 12 таблицах. Не меньший интерес представляют неопубликованные текстовые отчеты и комментарии к визуальному ряду полевых материалов, которые составлены Н.И. Каплан. В дуэте двух исследователей обязанности были распределены: Э.М. Демюр рисовала, а Н.И. Каплан писала. Технологии подготовки полевых материалов к печати включали два этапа — собственно полевые фиксации и уже на их основе прорисовка профессиональными художниками. Первичные полевые зарисовки были сделаны в экспедиции Э.М. Демюр и частично Н.И. Каплан. Затем на их основе художники НИИХП подготовили итоговые варианты таблиц для альбома. Для подготовки полевых зарисовок к публикации в стационарных условиях привлекались другие художники ковровой лаборатории — Л.А. Колосова, М.В. Ахнина, А.М. Абрамова, С.В. Ильина, П.А. Сташков, И.Г. Вуколов, Л.М. Новикова и художник лаборатории разных промыслов В.П. Иванов. Для второго выпуска альбома таблицы были подготовлены художниками ковровой лаборатории Р.С. Бурмистровой, И.Е. Вуколовым, Э.М. Демюр, Л.А. Колосовой, В.П. Новиковым, П.А. Сташковым. Отдельные зарисовки и их фотографии опубликованы в монографии Н.И. Каплан [1961, табл. 12–13, рис. 1, 41–42, 45, 47–48].

Результаты полевой работы первой экспедиции вселили уверенность в источнике потенциале территории Алтая и Верхнего Приобья по художественным традициям, и с проживанием не только тюркского, но и русскоязычного населения, в том числе благодаря выезду Э.М. Демюр в 1953 г. в Барнаул для работы с артелью «Веревошник». Следующая крупная командировка на территорию Алтайского края сотрудников НИИХП состоялась уже в 1954 г. Она включала две группы. Первая группа в том же, что и экспедиция 1951 г., составе (Н.И. Каплан и Э.М. Демюр) продолжила работу с 20 мая по 15 июля 1954 г. на территории Горно-Алтайской автономной области. Вторая группа в составе с.н.с. ковровой лаборатории Е.Г. Яковлевой и художника экспериментальной мастерской З.А. Пучковой начала работу в «русских районах» Алтайского края.

На территории современного Алтайского края полевые исследования группы Е.Г. Яковлевой велись в течение 55 дней с 15 мая по 9 июля 1954 г. с включением четырех районов — Сорокинского (Заринского), Алтайского, Краснощековского, Змеиногорского (сс. Сорокино, Смоленское, Грязнуха, Алтайское, Краснощеково, Саввушка, Лаврентьевка, Курью, р.п. Кольвань) и в городах Барнауле, Бийске, Змеиногорске, Рубцовске, а также в городах сопредельных областей, ранее входивших в состав Алтайского горного округа, — Новосибирске, Усть-Каменогорске. Работа в селах велась с носителями традиций, в городах — в фондах музеев Барнаула и Бийска произведений декоративного искусства местных крестьян [ВМДПНИ, ф. 643, оп. 1, д. 491, л. 154]. Целью работы, как отмечает в отчете Е.Г. Яковлева, был «сбор лучших произведений

русского народного искусства, выяснение общности художественных приемов и орнаментальных мотивов, встречающихся на бытовых предметах у русских сибиряков, с украшениями подобных изделий в Европейской России. Показ специфики и локальных особенностей местного искусства». Основной акцент «при сборе устного иллюстративного материала по народному искусству Алтайского края» был сделан «на распространенные виды ремесел: ткачество, вышивка, ковроделе, роспись, в то время как такие виды народного искусства, как керамика и металл, остались совсем не изученными» [Там же, оп. 4, д. 497, л. 2–3]. Этот выезд в русскоязычную часть Алтайского края экспедиции 1954 г., в котором участвовали Е.Г. Яковлева и З.А. Пучкова, также носил более разведывательный характер и, по их словам, «опирался в своих изысканиях на данные Бломквиста, Гринковой и Ащепкова» [Каплан, 1955, с. 3]. Но в ходе работы ими «был собран огромный материал по народному декоративному текстилю: вышивке, коврам, ткачеству и т.п., и лишь очень небольшой — по домовый резьбе и росписи» [Там же]. Поэтому результаты экспедиции 1954 г. в русские районы Алтайского края стали основой для организации экспедиции 1955 г., которая была направлена «по следам первой разведывательной группы» 1954 г.

Всего в ходе экспедиций было сделано, по разным данным, 130–150 цветных полевых зарисовок ткачества, резьбы, росписи, относящейся ко второй половине XIX — первой половине XX в. В дальнейшем на их основе были сделаны 105 таблиц с чистовыми зарисовками. Данные таблицы были распределены по трем выпускам альбомов «Народный орнамент Алтайского края» [1954а–с]. Также в ходе экспедиции был собран «устный материал о убранстве домов местного населения, связанных обрядах и обычаях, бытовавших в прошлом среди крестьян» [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 1, д. 491, л. 155, 161].

Коллекция экспедиции 1954 г. состоит из зарисовок домовый росписи по дереву, росписи стен и предметов, тиснения по металлу, скатертей (шерстотканых и белых переборных), полотенец (тканых, узорных браных и закладных и вышитых набором, строчкой, крестом и другими техниками), поясов (тканых узорных), ковров (шерстяных в безворсовой и петельчатой техниках), а также предметов мужских и женских костюмов (головные уборы, рубахи, сарафаны). Лишь часть из них опубликованы в монографии Н.И. Каплан и представлены в альбоме фотографий, который является приложением к ее кандидатской диссертации [Каплан, 1963b, л. 5–5 об., 7–7 об., 24–24 об., 45–45 об.; 1963c, л. 104–104 об., 106–106 об.].

Обобщение результатов экспедиции Е.Г. Яковлевой, вместе с ее картой, представлено в статье к альбому «Народное декоративное искусство Алтайского края (русские районы)» [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 4, д. 497]. В статье она обосновывает особенности художественных промыслов особенностями заселения Алтайского края, а также делает выводы по собранным во время экспедиции материалам, предпринимает первые попытки выявления принципов внешнего декора и внутреннего убранства крестьянских изб. Отдельные разделы статьи посвящены характеристике росписи по дереву (как домов снаружи и внутри, так и мебели), ткачеству (скатерти, полотенца, ковры, пояса). Анализируются особенности орнамента и техники изготовления. Проводится сравнение с предметами других регионов страны.

В следующей экспедиции, с 21 июня по 11 августа 1955 г., сохранялся принцип изучения двумя группами тюркоязычного и русского населения. На территории современного Алтайского края были изучены населенные пункты Сорокинского, Смоленского, Алтайского, Солонешенского районов. Маршрут экспедиции: Москва — Барнаул — с. Сорокино, села Сорокинского района (Комарское, Гоношиха, Хмелевка, Дресвянка, Пушкино). Далее он продолжался через Горно-Алтайск в Чергу и снова возвращался на территорию Алтайского края: с. Алтайское — с. Солонешенское Смоленского района — с. Солонешное и села Солонешенского района (Черемшанка, Сибирячиха, Топольное, центральная усадьба Солонешенского мясомолочного совхоза). Общая протяженность маршрута составила 706 км [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 1, д. 535, л. 28 об.]. Но в списке собранных полевых материалов, приведенных в отчете по экспедиции, имеются сведения, что зарисовки также проводились в Бийском краеведческом музее, а также в с. Урап Сорокинского района и с. Верхний Уймон Горно-Алтайской автономной области [Каплан, 1955, с. 20–21, 38]. Русское население Черги и Верхнего Уймона было преимущественно старообрядческим.

Можно предположить, что маршрут экспедиции был выстроен с целью охватить зоны старожильческого русского населения. С позиций историко-этнографического районирования территории Алтайского края [Щеглова, 2015] названные районы входят в восточную старожильческую зону, преимущественно представленную культурой леса. Эта территория как никакая другая была ближе к этнокультурной ситуации, описанной Е.Э. Бломквист, Н.П. Гринковой и Е.А. Ащепковым в Рудном

Алтае. Теоретическая гипотеза экспедиций НИИХП в «русском Алтае» зиждилась на предположении о том, что «народное искусство, подобное описанному Е.Э. Бломквист, Н.П. Гриньковой и Е.А. Ащепковым, должно бытовать и в других районах Алтая» [Каплан, 1955, с. 2–3]. Она базировалась на том, что «старообрядцы, населявшие еще в 1930-е гг. деревни Белую, Фыкалка (Рудный Алтай. — Прим. авт.) и другие, в принципе ничем не отличались и не могли отличаться от старообрядцев или кержаков — жителей множеств сел и деревень восточных, западных, центральных, южных районов Алтая и Горноалтайской Автономной области» [Там же]. Именно поэтому было запланировано еще обследование Чарышского района с казачьим и старообрядческим населением. Но изменения в запланированном маршруте объяснялись «отсутствием регулярного сообщения между этими селами (Солонешное и Чарышское) на расстоянии около 100 километров и необходимостью делать бесполезный объезд». Поэтому было принято решение «расширить наши поиски в селах Солонешенского района» [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 1, д. 535, л. 28 об.].

Выбор районов и, по всей видимости, влияние работ Е.А. Ащепкова и Е.Э. Бломквист привели к пристальному вниманию в полевой работе к состоянию декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов, связанных с крестьянским жилищем. А в итоге работы планировалась монография о народном декоративном искусстве Алтайского края объемом 4 п.л. со 100 иллюстрациями. В состав экспедиции вошли с.н.с. Н.И. Каплан как ответственный исполнитель темы, художник З.А. Пучкова. Впервые в ней участвовали художник А.В. Курочкина, главный художник НИИХП Ф.М. Мольнар (руководитель группы) и М. Грибанова [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 1, д. 535, л. 28].

Названными исследователями было выполнено около 200 цветных полевых зарисовок домовой резьбы, росписи по дереву, народно-художественного узорного ткачества и вышивки, не считая фотографий. Преобладали домовые стенные декоративные росписи [Каплан, 1955]. Через опросы была получена информация о наличии подобных памятников в селах Демино, Туманово, Тележиха, Александровка Солонешенского района, Сычевка и ст. Белокуриха Смоленского района, Тоурак Алтайского района, а также Верхний Уймон Горно-Алтайской области [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 1, д. 535, л. 28 об.–29]. Итогом данной экспедиции стали 155 таблиц с чистовыми зарисовками, которые были опубликованы сразу в пяти выпусках (выпуски 7–11) альбомов зарисовок «Народный орнамент Алтайского края» [1955а–е]. Это изображения текстильных изделий (пояса, опояски, ковры, дорожки, полотенца, скатерти, рубахи), утвари и предметов обихода (коромысла, прялки, треноги для воды, квашонка, рукомойники, ступки, вазы), домовой резьбы и росписи (фронтонов, наличников, дверей, потолков, стен, полатей, печек, голбца, шестка). Дополняли зарисовки фотоколлекции объектов архитектуры (дома и ворота) в г. Бийске и с. Солонешное Смоленского района, «народный кержацкий костюм», ручной ткацкий станок, а также фотографии участников экспедиции [ВМДПНИ КП-24300/372, КП-24300/375, КП-24300/381–КП-24300/382, КП-33448/12617, КП-33448/9310–КП-33448/9318, КП-33448/9395–КП-33448/9398]. Всего удалось найти и точно установить датировку 18 фотографий по данной экспедиции. Часть полевых материалов опубликованы Н.И. Каплан [1961, табл. 1, 2, 4–5, 8–11; рис. 3–9, 15, 18–19] и размещены в приложении к ее кандидатской диссертации [1963b, л. 6–6 об., 8–8 об., 12–12 об., 25–25 об., 31а–31а об., 38–38 об., 42–43 об., 50–50 об.; 1963с, л. 51–53 об., 56–57 об., 71–71 об., 74–74 об., 76–76 об., 78–78 об.].

Анализ отчетных документов показал, что наличие домовой росписи в крестьянской архитектуре стало открытием экспедиции. Она составила «основную часть собранного экспедицией материала» [Каплан, 1955, с. 3]. В отчете предложена предварительная классификация по стилистике росписи: двери с крыльца в сенки, из сенок в избу, а также двери из избы в чистую горницу. Делается акцент на анализе комплексов росписей в доме, которые образуют целостные и гармоничные ансамбли (роспись потолка и полатей, стен и печка). Собранные материалы уникальны, так как и в наши дни основными по домовой росписи остаются научные работы, посвященные Уралу, подготовленные благодаря масштабной деятельности сотрудника НИИХП В.А. Бардулина [Бардулин, 1982, 1988]. Полевые же материалы с территории «русского Алтая» введены в научный оборот частично, а те, что проанализированы, сделаны искусствоведами. Экспедициями НИИХП для этнографов оставлена большая коллекция, в которой каждый тип росписи, приводимый в отчете, сопровождается одним или несколькими примерами с указанием места нахождения дома и его владельца, описанием используемых при росписи красок с указанием состава и технологии нанесения. Для этнографов важным является вывод Н.И. Каплан, что «количество найденных зарисованных и сфотографированных росписей полностью опровергло ранее выдвинутое представление о росписях как о случайно и в незначительном коли-

честве мало где сохранившихся памятниках. Оказалось, что, подобно ручному ткачеству и ковроткачеству, ручному кружевоплетению и вышивке, стенные росписи в домах встречаются до сих пор в большом количестве на всей территории Алтайского края» [1955, с. 3].

С искусствоведческих позиций при рассмотрении растительного узора специалистами выявляются общие приемы с росписью Хохломы, Городца и Северной Двины. Истоки этого они, вслед за этнографами, видели в процессах формирования русского населения Алтайского края, а также в его удаленности, что, по их мнению, и привело к тому, что «в глубинных районах Горного Алтая надолго консервировались и бережно хранились многими поколениями уклады и обычаи, вывезенные из Европейской России», а «сохранившиеся в Сибири и на Алтае обычаи орнаментально расписывать интерьер являются лишь остатком обычая в XV–XVII вв., господствовавшего на всей территории Московского государства». В этой фразе содержится убеждение в сходстве древнерусской росписи и домово́й росписи русских Алтая. В этом уникальность найденных памятников росписи, в отличие от сохранившихся центров художественных промыслов Европейской России: если «в орнаменте и технике современных хохломских изделий мы можем видеть лишь отдельные моменты, близкие к орнаменту и технике его исполнения в алтайских росписях», из-за ее «модернизации», то «между драгоценными росписями Грановитой Палаты или Кремлевских соборов и подчас наивными в своей трактовке орнаментами жилых домов русских районов Алтая мы можем найти значительное сходство — главным образом в отборе мотивов, в композиционном их размещении и в приемах свободного кистевого мазка» [Каплан, 1955, с. 14–15].

Экспедиция 1956 г. проходила с 11 июня по 10 августа с охватом сел Сорокинского и Солонешенского районов, а также Усть-Коксинского аймака Горно-Алтайской АО. Преодоленное участниками экспедиции на автомашинах расстояние составило 1200 км. В архивных отчетных материалах перечислены следующие населенные пункты — Барнаул, Бийск, Горно-Алтайск и села Сорокино, Солонешное, Черный Ануй, Усть-Кан, Усть-Кокса и др. Но подписи о местах выполнения зарисовок и фотографий в Приложении к диссертации и в коллекции «Фототека НИИХП» ВМДПНИ позволяют включить в список следующие села: Гоношиха, Хмелевка, Сорокино Сорокинского района, Черемшанка, Топольное, Сибирячиха, Туманово, Топольное Солонешенского района, Кырлык Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области [Каплан, 1963b, л. 2–2 об., 11–11 об., л. 13–14 об., л. 15а–16 об., л. 19–19 об., 22–22 об., 26–36 об., 39–41 об., 44–44 об., 46–46 об., 48–49 об.; 1963с, л. 53–55 об., 60–61 об., 63–64 об., 66–67 об., 69–69 об., 72–73 об., 75–77 об., 79–84 об., 85–103 об., 105–105 об.; ВМДПНИ КП-33448/9399–КП-33448/9422, КП-33448/9424–КП-33448/9433, КП-33448/9335; КП-33448/9358].

Целью экспедиции 1956 г. являлись уточнение и пополнение материалов предыдущих экспедиций 1954–1955 гг. с проведением документальной фотосъемки, что свидетельствовало о большом значении обнаруженных памятников, а также дополнение материалов для подготовки монографии о народном декоративном искусстве Алтайского края, в которой Н.И. Каплан, как ответственный исполнитель темы, должна была обобщить материал. Поэтому в группу к Н.И. Каплан и А.В. Курочкиной включили фотографа М.С. Линеви́ч [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 1, д. 535, л. 26]. Благодаря деятельности последнего было сфотографировано около 200 новых образцов декоративного искусства и сняты те объекты, которые были зарисованы в прошлой экспедиции. Всего в коллекции «Фототека НИИХП», находящейся в ВМДПНИ, отложилось 129 фотографий из данной экспедиции, преимущественно посвященных архитектуре, вторую группу составляли предметы быта, одежда, обувь. Есть и фотографии самих участников экспедиции и условий их работы [ВМДПНИ КП-24300/376; КП-24300/383; КП-24300/384; КП-24300/398]. Кроме фотофиксации было выполнено 40 цветных зарисовок новых вещей и интерьеров [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 1, д. 535, л. 26]. Данные зарисовки были оформлены в виде 33 таблиц, которые вошли в 12-й выпуск альбома полевых зарисовок «Народный орнамент Алтайского края» (цветные рисунки элементов архитектуры домов и интерьера, бытовой утвари, предметов ткачества [Народный орнамент..., 1957].

Наряду с фотоколлекцией и альбомом результатом экспедиций в Алтайский край стала рукопись монографии, над которой Н.И. Каплан работала в течение всего 1956 года. Ученым советом НИИХП был утвержден план рукописи в объеме 7 п.л., состоящей из введения, 4 глав и заключения [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 4, д. 514, л. 3–4]. В архиве сохранилась рукопись монографии на момент 1957 года [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 3, д. 106].

Последняя экспедиция НИИХП на территорию Алтайского края, по которой удалось найти сведения в архиве ВМДПНИ, проходила с 9 сентября по 4 октября 1979 г. Она уже носила прикладной характер, так как должна была определить пути развития художественных промыслов

Алтайского края на предприятиях местной промышленности. Поэтому в состав экспедиции вошли с.н.с. (отв. исполнитель темы) В.Г. Смолицкий, заведующий сектором В.А. Ершова, ведущий художник-конструктор Н.Г. Салькова. Также к ним присоединились старший экономист Новосибирского филиала НИИХП М.М. Сорокина, инженер управления местной промышленности Алтайского края А.Т. Елизаров и художник ПКБ Управления местной промышленности Алтайского края П.И. Дранишников. Экспедиция работала на территории Бийского, Колыванского, Усть-Канского и Онгудайского районов Алтайского края [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 1, д. 964, л. 90]. Из населенных пунктов указаны только с. Сrostки Бийского района и Бийский краеведческий музей [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 4, д. 729, л. 14].

Для этнографов важной составляющей этого фонда являются не столько описание и рекомендации по развитию промысловых предприятий, сколько фиксация этнографического материала — фотографии и зарисовки предметов «национального горно-алтайского костюма», войлоков, художественных изделий из кожи, дерева, бересты, металла, а также изделий местных гончаров. Самостоятельный интерес имеет и информация о выявленных народных мастерах и мастерицах. В заключительном отчете о подготовке и проведении научной экспедиции по изучению и развитию народных художественных промыслов Алтайского края охарактеризованы основные виды домашних художественных ремесел алтайского (изготовление ковров, одежды, обуви, деревянной утвари) и русского (ткачество и вышивка, гончарное производство) населения [ВМДПНИ. Ф. 643, оп. 4, д. 730, л. 5–17].

Заключение

Институт (НИИХП) за время своего существования (1932–1992 гг.) провел экспедиции во все российские регионы и союзные республики. За эти годы сотрудниками отделов были созданы фонды по художественным промыслам, декоративно-прикладному искусству, традиционной культуре народов СССР. Население Алтайского края (современные Алтайский край и Республика Алтай) было охвачено полевой работой в 1950-е гг. — четыре экспедиции (1951, 1954, 1955, 1956), и одна состоялась в 1979 г. Первоначальный интерес был проявлен к культуре тюркоязычного населения, тюркским традициям ковроткачества и орнаментации. Поэтому были командированы сотрудники коврового отдела. Работа на Алтае во время первой экспедиции показала хорошую сохранность не только тюркской традиционной культуры, но и культуры русского населения. Последующие экспедиции проводились двумя отрядами — по изучению тюркского и русского населения. Ориентирами изучения русских являлись результаты экспедиции 1930-х гг. Е.Э. Бломквист, Н.П. Гриньковой и экспедиции Е.А. Ащепкова, которые работали преимущественно на территории Рудного Алтая в среде старожильского и старообрядческого населения. Экспедиции по аналогии с ними также сосредоточили внимание на старожильском русском населении, но охватили восточную зону современного Алтайского края, где также преобладали старообрядцы и другие старожильские группы. Поэтому и в Горном Алтае они работали в Верх-Уймоне — одном из центров старообрядчества. Основными объектами изучения являлись архитектура, устройство и убранство жилища, ткачество, утварь и предметы обихода и др. — то, в чем где сохранились следы старожильской культуры, в отличие, например, от гончарства и керамики, вытесненной фабричной продукцией. Открытием стало наличие обильной домовой резьбы, как фрагментами, так и целыми комплексами. Зафиксированные исследователями предметы и художественные произведения составляют уникальную источниковую базу народной культуры, исчезнувшей уже к 1970-м гг.

Достоинством этой источниковой базы является высокий профессионализм участников экспедиций — искусствоведов, художников и фотографов. При этом часть сохранившейся в ВМДПИ коллекции имеет первичные полевые материалы, например по той же росписи, с прорисовкой и обозначением или подписанием цвета, а также созданные на их основе в стационарных условиях группами штатных профессиональных художников полноценные источники. Эти источники частично опубликованы в работах искусствоведов, но их огромный этнографический потенциал не исчерпан.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX — начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ведерникова Н.М.* Экспедиции НИИ художественной промышленности как часть научно-методической работы с промыслами // Институт на Воровского (несостоявшийся юбилей): К 85-летию Научно-исследовательского института художественной промышленности. М.: Ассоц. НХП России, 2017. С. 65–76.
- Каплан Н.И.* Очерки по народному искусству Алтая. М.: Госместпромиздат, 1961. 96 с.
- Серебряков Е.А.* Научно-исследовательский институт художественной промышленности // СЭ. 1947. № 1. С. 204–206.
- Барадулин В.А.* Уральская народная живопись по дереву, бересте и металлу. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 110 с.
- Барадулин В.А.* Народные росписи Урала и Приуралья. Крестьянский расписной дом. Л.: Художник РСФСР, 1988. 198 с.
- Щеглова Т.К.* Народы Алтая в прошлом и настоящем: Численность, размещение, этнокультурный состав, этноконтактные зоны // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 23. С. 97–107.

ИСТОЧНИКИ

- Хохлова Е.Н.* Как возрождали народное искусство в СССР. URL: <https://art-life.biz/rus/files/xoxlova.PDF> (дата обращения: 24.09.2021).
- Каплан Н.И.* Русская народная декоративная роспись по дереву (Алтайский край): Дис. ... канд. искусствоведения. М., 1963а. 171 с.
- Каплан Н.И.* Русская народная декоративная роспись по дереву (Алтайский край): Альбом фото. Ч. 1. Приложение к кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 1963б. 50 л.
- Каплан Н.И.* Русская народная декоративная роспись по дереву (Алтайский край): Альбом фото. Ч. 2. Приложение к кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 1963с. 56 л.
- Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства (ВМДПНИ).* КП-24300/372, КП-24300/375–КП-24300/376, КП-24300/381–КП-24300/384, КП-24300/398, КП-31568/9, КП-31569/5, КП-31569/8, КП-31569/9, КП-31569/20, КП-33448/9310–КП-33448/9318, КП-33448/9325–КП-33448/9330, КП-33448/9335, КП-33448/9358, КП-33448/9395–КП-33448/9422, КП-33448/9424–КП-33448/9433, КП-33448/12617. ВМДПНИ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 423, 425, 491, 535, 964; Оп. 3. Д. 18, 106; Оп. 4. Д. 497, 514, 729, 730.
- Каплан Н.И.* Народное декоративное искусство Алтайского края (русских районов): (Отчет по экспедиции 1955 года). М., 1955. // Фонд Библиотеки ВМДПНИ.
- Народный орнамент Алтайского края.* 1951. Вып. 1 // Фонд Библиотеки ВМДПНИ.
- Народный орнамент Алтайского края.* 1952. Вып. 2 // Фонд Библиотеки ВМДПНИ.
- Народный орнамент Алтайского края.* 1954а–с. Вып. 4–6 // Фонд Библиотеки ВМДПНИ.
- Народный орнамент Алтайского края.* 1955а–е. Вып. 7–11 // Фонд Библиотеки ВМДПНИ.
- Народный орнамент Алтайского края.* 1957. Вып. 12 // Фонд Библиотеки ВМДПНИ.

Shcheglova T.K. *, Rykov A.V.

Altai State Pedagogical University
Molodezhnaya st., 55, Barnaul, 656031, Russian Federation
E-mail: tk_altai@mail.ru (Shcheglova T.K.); avrykov@bk.ru (Rykov A.V.)

Study of the culture of the Russian population of South of Western Siberia by the staff of the Research Institute of Art Industry in the 1950s–1970s

In this paper, the contribution of the staff of the Research Institute of Art Industry to the study of Russian long-term resident population on the territory of the Altai Krai, which up to 1990 included Gorno-Altai Autonomous Region, is presented and analyzed. The analysis is conducted on the basis of studying the collection of the field materials by identifying all expeditions which took place, their routes, participants, and results of the field research. The main sources of the research were represented by the archival funds of the institute, which appeared to be fragmentary. The main part of the materials was deposited to the Russian National Museum of Decorative, Applied and Folk Arts. For the subject of this paper, the reports on scientific topics and field trips are of the most interest; an extensive body of visual sources (sketches and photographs) have been used as well, whose superior quality was achieved through participation of professional staff artists and photographers in their production. The population of the Altai Krai (modern Altai Krai and the Altai Republic) were embraced in the field work in the 1950s — 4 expeditions (1951, 1954, 1955, and 1956) and one in 1979. The initial interest was in the culture of the Turkic-speaking population and Turkic traditions of rug weaving and ornamentation. The later expeditions were

* Corresponding author.

conducted by two groups — on the study of Turkic and Russian populations. The main objects of the research were architecture, house construction and decoration, weaving, homeware and household appliances and other items which preserved the traces of the long-term residence culture. The revelation for the researchers from the institute was the abundant presence of wooden house carving, both as fragments and as whole complexes. The objects and pieces of art recorded by the researchers are the unique sources which had already disappeared by the 1970s. Part of the collections kept in the Russian National Museum of Decorative, Applied and Folk Arts has primary field materials. These sources were partially published in the works of art historians, but their great ethnographical potential is not yet exhausted.

Keywords: Research Institute of Art Industry, Altai Krai, field expeditions, field work methods, Russian long term residents, the South of Western Siberia, 1950s–1970s.

Funding. The reported study was funded by Russian Fund of Basic Research and Ministry of Education and Science of Altai Krai according to the research project no. 19-49-220009 “Oral History and Ethnography in Field Studies of the Second Half of the 20th — Beginning of the 21st Centuries as a Source and a Method of Learning and Preservation of Historical and Cultural Heritage of Rural Areas of Altai Krai”.

REFERENCES

- Baradulin, V.A. (1982). *Ural folk painting on wood, birch bark and metal*. Sverdlovsk: Sredne-ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Baradulin, V.A. (1988). *Folk paintings of the Urals and the Urals: Peasant painted house*. Leningrad: Khudozhnik RSFSR. (Rus.).
- Kaplan, N.I. (1961). *Essays on the folk art of Altai*. Moscow: Gosmestpromizdat. (Rus.).
- Serebriakov, E.A. (1947). Research Institute of the Art Industry. *Sovetskaia etnografiia*, (1), 204–206. (Rus.).
- Shcheglova, T.K. (2015). The peoples of Altai in the past and present: Number, location, ethnocultural composition, ethno-contact zones. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (23), 97–107. (Rus.).
- Vedernikova, N.M. (2017). Expeditions of the Scientific Research Institute of the Art Industry as a Part of Scientific and Methodological Work with the Crafts. In: *Institut na Vorovskogo (nesostoiavshiisia iubilei): K 85-letiiu Nauchno-issledovatel'skogo instituta khudozhestvennoi promyshlennosti*. Moscow: Assotsiatsiia NKHP Rossii, 65–76. (Rus.).

Щеглова Т.К., <https://orcid.org/0000-0003-2738-414X>

Рыков А.В., <https://orcid.org/0000-0001-5051-3849>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 30.05.2022

Article is published: 15.09.2022